Гулевич О.А.[1], Гусева В.В.[1] Методика для измерения процедурной справедливости в политической сфере

Gulevich O.A.[1], Guseva V.V.[1] A Methodology to Measure Procedural Justice in the Political Sphere

[1] Научно-учебная лаборатория политико-психологических исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Воспринимаемая справедливость политического взаимодействия оказывает влияние на отношение к отдельным представителям государственной власти, политическим институтам и политической системе в целом. Психологические исследования показали, что, оценивая справедливость в политической сфере, люди руководствуются нормами, описывающими процесс вынесения решений и обращения с гражданами. Как следствие, чтобы измерить воспринимаемую справедливость политического взаимодействия, исследователи просят людей оценить степень соблюдения этих норм. В этой статье описан процесс создания и валидизации русскоязычного опросника для измерения процедурной справедливости в политической сфере. При создании опросника были заимствованы идеи, использующиеся при изучении справедливости в деловой, правовой и политической сферах. Окончательный вариант методики включает в себя четыре субшкалы, позволяющие измерить разные аспекты процедурной справедливости политического взаимодействия. Анализ структуры опросника показал, что четырехфакторная структура хорошо соответствует данным и воспроизводится в разных половых и возрастных группах. Анализ конвергентной валидности продемонстрировал, что все компоненты процедурной справедливости политического взаимодействия позитивно связаны с общей оценкой справедливости политической системы, положительными эмоциями по отношению к ней и политическим доверием, но негативно связаны с отрицательными эмоциями и политическим цинизмом. Таким образом, созданный опросник может быть использован для измерения процедурной справедливости в политической сфере на русскоязычной выборке.

Ключевые слова: процедурная справедливость, межличностная справедливость, информационная справедливость, политическая справедливость, политическое доверие, политический цинизм

На протяжении многих десятилетий психологи изучают мотивацию человеческого поведения. Одно из направлений изучения мотивации – это восприятие справедливости. Психологические исследования показывают, что, с одной стороны, участники взаимодействия стремятся получить максимально благоприятный для себя результат, но, с другой, проявляют заботу о группах, членами которых они являются. Чтобы достичь баланса между личными и групповыми интересами, люди используют нормы, которые позволяет им оценить справедливость процесса и результата взаимодействия. Эти оценки, в свою очередь, оказывают влияние на их отношение и поведение по отношению к окружающим [Tyler, 2012].

Исследования, проведенные в разных странах, показали, что люди руководствуются соображениями справедливости при оценке делового, правового и политического взаимодействия. Например, мета-анализы исследований, проведенных в организациях, продемонстрировали, что чем выше сотрудники оценивают справедливость организационных решений, тем более позитивно они относятся к своему руководителю и организации в целом, тем лучше их психологическое состояние, тем больше они удовлетворены своей деятельностью, тем лучше они выполняют свои профессиональные обязанности и тем больше они готовы продолжать работать в этой организации [Cohen-Charash Spector, 2001; Colquitt et al., 2001; Colquitt et al., 2013; Robbins, Ford, Tetrick, 2012; Whitman et al., 2012].

Кроме того, мета-анализы исследований, проведенных в правовом контексте, показали, что чем более справедливым граждане считают поведение полицейских и судей, тем больше они удовлетворены взаимодействием с ними, тем более легитимными считают их действия, тем больше соглашаются с принятыми решениями и тем больше готовы сотрудничать с ними в дальнейшем [Bolger, Walters, 2019; Bolger, Lytle, Bolger, 2021]. И наконец, отдельные исследования, проведенные в политическом контексте, продемонстрировали, что чем выше граждане оценивают справедливость действий представителей политической власти, тем более позитивно они относятся к политической системе и тем больше соглашаются с принятыми ими решениями [Grimes, 2017; Tyler, Van der Toorn, 2013].

Для измерения воспринимаемой справедливости ученые используют опросники. Содержание этих методик во многом зависит от теоретической модели, которой придерживаются авторы, и от сферы, которая интересует исследователей (организационное, правовое или политическое взаимодействие). Большинство этих

опросников было создано учеными из англоязычных стран (прежде всего, США), а затем переведено на другие языки. Цель данного исследования – создание русскоязычной методики для измерения воспринимаемой справедливости политического взаимодействия. Из-за специфики политической сферы мы сконцентрируемся на измерении справедливости процесса принятия решений.

Теоретические основы изучения процедурной справедливости

Определение и нормы процедурной справедливости

Исследователи выделяют два основных типа справедливости: справедливость результата и справедливость процесса. Справедливость результата включает в себя дистрибутивную справедливость, связанную с распределением материальных ресурсов (прежде всего, денег), и ретрибутивную справедливость, связанную с наказанием за нарушение норм (выговоров, штрафов, тюремного заключения). В то же время, справедливость процесса описывает формальные (например, утвержденные процедуры судебного заседания или приема на работу) и неформальные (например, реальное общение судьи с участниками судебного процесса или руководителя со своими подчиненными) процедуры принятия решений [Гулевич, 2012; Tyler, 2012; Tyler, Van der Toorn, 2013].

В целом, люди могут оценивать процесс и результат взаимодействия во всех сферах общественной жизни. Однако ученые, которые занимаются организациями, принимают во внимание дистрибутивную и процедурную справедливость. Исследователи, которые изучают правовую сферу, проявляют интерес к ретрибутивной и процедурной справедливости. В то же время, большинство исследований, проведенных в политическом контексте, фокусируются на справедливости процесса. Вероятно, это связано со спецификой решений и действий представителей власти, которые далеко не всегда связаны с распределением материальных ресурсов между гражданами или наказанием за нарушение норм.

Что понимается под процедурной справедливостью? Психологические исследования показали, что, когда люди оценивают справедливость процесса взаимодействия, они руководствуются определенными нормами. На протяжении последних пятидесяти лет ученые сформулировали несколько моделей процедурной справедливости [Colquitt et al., 2001; Leventhal, 1980; Tyler, Lind, 1992; Thibaut, Walker, 1975]. Эти модели включают ряд норм, которые регламентируют процедуру вынесения решения (например, наличие у «рядовых» участников – сотрудников организаций, подсудимых, избирателей -

возможности повлиять на происходящее) и отношение людей, принимающих решение – руководителей, судей, политиков – к «рядовым» участникам (например, уважительное обращение с ними).

Исследователи, которые изучают организационные процессы, проводят различие между разными компонентами процедурной справедливости. Яркий пример – это модель, предложенная Дж.Колкиттом [Colquitt et al., 2001], который выделил собственно процедурную, информационную и межличностную справедливость. Собственно процедурная справедливость предполагает, что люди должны иметь возможность повлиять на решение, которое затрагивает их интересы, и достойны равного обращения. Информационная справедливость гласит, что человек, принимающий решение, должен полно, честно и своевременно информировать остальных участников о том, как это происходит. И наконец, межличностная справедливость предполагают, что человек, принимающий решение, относится к другим участникам вежливо и с уважением.

В то же время, ученые, работающие в других областях, прежде всего, в правовом и политическом контексте, чаще всего, анализируют общий индекс процедурной справедливости, который включает разные нормы. Яркий пример – это модель Т.Тайлера [Tyler, 2012], который выделил четыре принципа: возможность участия (люди, которых касаются решения, имеют возможность участвовать в процедуре его принятия); нейтральность (человек, который принимает решение, ведет себя честно и непредубежденно); уважение (этот человек обращается с остальными участниками вежливо и уважительно); возможность доверия (этот человек проявляет заботу об остальных участниках, учитывает их интересы). Таким образом, первый и второй принцип соответствуют процедурной и, частично, информационной справедливости, а третья норма – межличностной справедливости в модели Колкитта.

Роль процедурной справедливости в политике

Процедурная справедливость привлекает большое внимание ученых, занимающихся политическими процессами. Анализ научной литературы позволяет выделить два основных подхода к изучению этой темы. Первый подход сфокусирован на политических институтах. Исследователи, работающие в рамках этого подхода, сопоставляют особенности политических институтов, которые соответствуют или не соответствуют нормам процедурной справедливости (например, особенности избирательной системы, вовлеченность граждан в принятие политических решений и уровень коррупции в стране),

с отношением к политической системе [Anderson, Tverdova, 2003; Birch, 2008; Dahlberg, Holmberg, 2014; Gilley, 2006].

Второй подход сфокусирован на субъективном восприятии людей. Исследователи, которые работают в рамках этого подхода, анализируют связь между воспринимаемой процедурной справедливостью политического взаимодействия и отношением к политической системе. Сначала они просят участников исследования оценить справедливость действий конкретных представителей государственной власти (например, мэра города, депутата, президента) или коллегиальных органов управления. После этого они задают респондентам вопросы об их отношении к представителям власти, политическим институтам и принятым решениям.

Исследования, проведенные в рамках второго подхода, говорят о том, что процедурная справедливость политического взаимодействия связана с отношением к людям, институтам и решениям, которые принимаются в политической сфере. Во-первых, люди выражают более позитивное отношение к представителям власти (например, мэрам, депутатам, президентам), которые ведут себя справедливо – больше одобряют и больше удовлетворены их деятельностью, больше доверяют им, выражают большее желание голосовать за них на выборах (например, Kershaw, Alexander, 2003 для Билла Клинтона; Rasinski, Tyler, 1988 для Рональда Рейгана).

Во-вторых, люди более позитивно воспринимают политическую систему, когда им кажется, что процесс взаимодействия в ней устроен справедливо [Azmi et al., 2016; Vainio, 2011; Van der Toorn et al., 2011]. Например, исследование, проведенное в Шотландии, показало, что оценка справедливости процедуры подачи петиций в шотландский Парламент была позитивно связана с доверием к политическим институтам Шотландии и Великобритании в целом [Carman, 2010]. Исследование, проведенное в США, продемонстрировало, что воспринимаемая процедурная справедливость деятельности Конгресса была позитивно связана с оценкой организации в целом [Farnsworth, 2003].

В-третьих, люди больше поддерживают программы, предложенные представителями государственной власти, если в ходе их принятия соблюдались нормы процедурной справедливости [Rasinski & Tyler, 1988; Tyler & Caine, 1981; Tyler et al, 1985]. Например, исследование, проведенное в Швеции, продемонстрировало, что чем более справедливыми люди считали действия руководства государственной железнодорожной компании, тем

больше они доверяли им и тем больше соглашались с решением о строительстве дороги [Grimes, 2006].

И, наконец, в-четвертых, люди чаще протестуют против действий представителей власти, которые они считают несправедливыми. Например, мета-анализ исследований, проведенных в разных странах, продемонстрировал, что воспринимаемая несправедливость – одна из трех ключевых переменных, которые побуждают людей участвовать в протестных акциях [Van Zomeren, Postmes, Spears, 2008]. Однако авторы таких исследований, как правило, не проводят различие между справедливостью процедуры и справедливостью результата. Таким образом, мы не можем быть уверены, что протесты – это результат несправедливости процесса, а не результата взаимодействия.

Текущее исследование

Исследования, посвященные процедурной справедливости в политической сфере, проводятся в американских (например, США), европейских (например, Швеция, Финляндия, Австрия, Великобритания), азиатских (например, Япония, Китай, Гонконг, Малайзия, Саудовская Аравия) и африканских (например, Эфиопия, Нигерия) странах. При этом ученые используют методики, которые были созданы для организационного [Blader & Tyler, 2003; Colquitt et al, 2001; Moorman, 1991], правового или политического контекста [King & Murphy, 2012; Tyler, 1997]. Опросники включают в себя вопросы или утверждения, описывающие разные нормы процедурной справедливости. Однако содержание и количество пунктов варьируется от опросника к опроснику.

При создании русскоязычного варианта методики для измерения процедурной справедливости в политическом контексте мы исходили из следующих соображений. Во-первых, методика должна включать в себя нормы, соответствующие разным компонентам процедурной справедливости и давать возможность провести различие между ними (см. модель Колкитта). Во-вторых, эта методика должна быть применима для оценки разных решений и действий представителей политической власти. В-третьих, пункты этого опросника не должны пересекаться с пунктами методик, измеряющих другие конструкты (например, доверия/цинизма по отношению к политикам).

Наше исследование состояло из двух этапов. На первом этапе мы проанализировали структуру и инвариантность исходного – длинного – варианта методики для измерения процедурной справедливости в политической сфере и создали короткий вариант. На втором

этапе мы проанализировали структуру и инвариантность модифицированного – короткого – варианта методики. Кроме того, на обоих этапах исследования мы оценили конвергентную валидность модифицированного варианта методики. Ниже мы опишем два этапа исследования вместе.

Метод

Выборка

На первом этапе исследования принял участие 1931 человек: 970 определили себя как мужчин и 961 человек – как женщин; возраст участников варьировался от 18 до 75 лет (M = 36.85, SD = 11.10). Все респонденты указали, что они живут в России и имеют российское гражданство. Перед обработкой данных вся выборка была случайным образом разделена на две половины. Первая подвыборка включала 966 человек, среди которых были 494 мужчины (51%) и 472 женщины (49%) в возрасте от 18 до 74 лет (M = 36.25, SD = 10.92). Вторая подвыборка состояла из 965 человек, среди которых были 474 мужчины (49%) и 491 женщина (51%) в возрасте от 18 до 75 лет (M = 36.72, SD = 11.04).

На втором этапе исследования приняли участие 1766 человек: 873 определили себя как мужчин и 893 человека – как женщин; возраст участников варьировался от 18 до 69 лет (M = 37.40, SD = 11.29). Все респонденты указали, что они живут в России и имеют российское гражданство. При обработке данных рассматривалась вся выборка целиком. В данном случае ответы всех респондентов анализировались.

Процедура исследования

Участники заполняли онлайн-опросник, созданный на словенском ресурсе 1ka.si. Этот опросник был размещен на онлайн платформе Яндекс.Толока. Все люди были проинформированы об анонимности опроса и выразили свое согласие участвовать в исследовании. За успешное прохождение опроса (заполнение методик и правильный ответ на контрольные вопросы) респонденты получали 20 центов.

На обоих этапах исследования опросник включал: (а) методику для измерения процедурной справедливости в политической сфере; (б) методики для проверки конвергентной валидности; (в) вопросы о социально-демографических характеристиках респондентов; (г) вопросы для проверки внимательности.

Однако участники первого этапа заполняли исходный – длинный – вариант методики для измерения процедурной справедливости, а участники второго этапа заполняли модифицированный – короткий – вариант. Кроме того, участники первого и второго этапов заполняли четыре методики для проверки конвергентной валидности. На первом этапе использовались вопросы для измерения общей оценки справедливости политической системы, эмоций по отношению к ней, доверия политическим институтам и политического цинизма. В то же время, на втором этапе использовались вопросы для измерения эмоций по отношению к политической системе, доверия политическим институтам и политического популизма.

Опросник для измерения процедурной справедливости в политической сфере. При создании опросника мы взяли за основу теоретическое представление Дж.Колкитта о трех компонентах справедливости процесса: процедурной, межличностной и информационной справедливости. Этот выбор был сделан по двум причинам. Во-первых, это представление учитывает разные аспекты справедливости, которые есть в других моделях. Во-вторых, в нем проводится четкое различие между разными аспектами справедливости. Таким образом, методика для измерения процедурной справедливости, созданная на основе этой модели, позволяет определить, какие аспекты поведения представителей политической власти сильнее связаны с политическими оценками и поведением граждан.

Мы использовали утверждения из русскоязычного варианта методики Дж.Колкитта, адаптированного для русскоязычной выборки [Гулевич, Спиридонов, Безменова, 2009], но переформулировали их таким образом, чтобы они подходили для оценки действий представителей политической власти. Исходный – длинный – вариант методики включал 15 утверждений: семь утверждений отражали собственно процедурную справедливость, четыре утверждения – межличностную справедливость, и четыре утверждения – информационную справедливость (см. Приложение 1). Модифицированный – короткий – вариант методики включал 11 утверждений (см. Приложение 2). Респонденты оценивали степень согласия с каждым утверждением по 7-балльной шкале, где 1 – “совершенно не согласен”, а 7 – “совершенно согласен”.

Общая оценка справедливости политической системы. Для измерения этого параметра использовался вопрос: «Как Вам кажется, насколько справедлива политическая система, которая существует в современной России?». Для ответа на вопрос респонденты

использовали 7-балльную шкалу от 1 – “абсолютно несправедлива” до 7 – “абсолютно справедлива”.

Эмоции по отношению к политической системе. Для измерения этого параметра респонденты отвечали на вопрос: «В какой степени Вы испытываете следующие эмоции, когда думаете о политической системе, которая существует в современной России?». На первом этапе оценивались три позитивные (радость, гордость, энтузиазм) и три негативные (раздражение, возмущение, злость) эмоции. На втором этапе оценивались четыре позитивные (радость, надежда, энтузиазм, гордость) и 5 негативных (страх, разочарование, возмущение, отвращение, презрение) эмоций. На первом этапе участники оценивали степень своего согласия с этими утверждениями по 5-балльной шкале от 1 – “почти или совсем нет” до 5 – “очень сильно”, а на втором этапе – по 7-балльной шкале от 1 – “почти или совсем нет” до 7 – “очень сильно”.

Доверие политическим институтам. Доверие политическим институтам измерялось шкалой из трех утверждений. Респонденты должны были оценить, насколько они доверяют перечисленным ниже институтам: президенту, правительству, Федеральному собранию (Совету Федерации и Государственной Думе). Участники обоих этапов исследования отмечали уровень доверия по 7-балльной шкале, от 1 “совсем не доверяю” до 7 – “полностью доверяю”.

Цинизм по отношению к политикам. Цинизм по отношению к политиками измерялся на первом этапе исследования с помощью методики, которая состояла из восьми утверждений [Гулевич, Гусева, 2022]. Эти утверждения описывали четыре аспекта отношения к политикам: веру в нечестность и эгоизм политиков, а также незнание ими общественных проблем и неспособность их решить. Респонденты отмечали степень согласия с каждым утверждением по 7-балльной шкале, от 1 – “совершенно не согласен” до 7 – “совершенно согласен”.

Политический популизм. Политический популизм измерялся на втором этапе исследования с помощью методики, которая состояла из шести утверждений (русскоязычный вариант Прусовой И.С). Эти утверждения описывали три аспекта популизма: веру в то, что политики не принимают во внимание интересы людей (“Сегодня политики принимают только удобные и выгодные для них решения”, “Политики много говорят и мало делают”); веру в противоборство между народом и властью (“Сегодня политическая система работает

против таких людей, как я”, “Обычно политика – это борьба между народом и властью”); веру в то, что политики должны прислушиваться к людям (“Политики должны следовать решениям, которые предлагают простые люди”, “Политики должны следовать решениям, которые предлагают простые люди”, “Политики должны следовать воле народа”). Респонденты отмечали степень согласия с каждым утверждением по 7-балльной шкале, от 1 – “совершенно не согласен” до 7 – “совершенно согласен”.

Стратегия анализа данных

Структура опросника была проанализирована с помощью конфирматорного факторного анализа (КФА) в статистическом пакете Mplus. Соответствие моделей полученным данным оценивалось с помощью следующих индексов [Kahn, 2006; Kline, 2016]:

– индекс сравнительного соответствия (CFI) и индекс Такера–Льюиса (TLI), при которых удовлетворительное соответствие модели задается значениями ≥ .90, а хорошее соответствие – ≥ .95;

– среднеквадратическая ошибка аппроксимации (RMSEA), при которой удовлетворительное соответствие модели данным задается значением между .05 и .08, а хорошее соответствие – .05 и ниже;

– стандартизированный корень среднеквадратического остатка (SRMR), значения которого ниже, чем .08, считаются хорошими.

Поскольку ранее было показано, что критерий χ^2 чрезмерно чувствителен к небольшим и теоретически неинтересным источникам несоответствия модели, особенно при больших размерах выборки, в данном случае его значения не принимались во внимание.

Инвариантность моделей была проанализирована с помощью мультигруппового конфирматорного факторного анализа. В ходе исследования была проверена конфигурационная, метрическая и скалярная инвариантность в двух половых и трех возрастных группах. В соответствии с рекомендациями для проверки инвариантности методик [Kline, 2016] в качестве критерия для подтверждения каждого вида инвариантности было использовано изменение CFI, равное или меньшее .01, и изменение RMSEA, равное или меньшее 0.015.

Проверка конвергентной валидности опросника проводилась в статистическом пакете SPSS Statistics 27. В ходе анализа были вычислены коэффициенты корреляции r-Спирмена между всеми переменными.

Результаты

Структура опросника для измерения процедурной справедливости в политической сфере

На первом этапе мы проанализировали структуру методики сначала на первой, а потом на второй подвыборке (см. выборка исследования). Это позволило оценить, насколько хорошо эта структура воспроизводится в двух независимых наборах данных.

В ходе анализа мы проверили однофакторную, трехфакторную и четырехфакторную модели. В однофакторной модели все пункты опросника образовывали общий фактор процедурной справедливости; логика этой модели соответствовала модели Тайлера. В трехфакторной модели пункты образовывали факторы информационной, процедурной и межличностной справедливости, которые, в свою очередь, объединялись в общий фактор; логика этой модели соответствовала модели Колкитта. В четырехфакторной модели процедурная справедливость была разделена на два субфактора; содержание и причину использования этой модели мы опишем ниже.

Сначала мы рассмотрели параметры исходной – длинной – версии опросника. Текст этой методики представлен в Приложении 1, а факторные нагрузки изображены на рисунке 1. Результаты показали, что однофакторная модель длинной версии не соответствует данным. Трехфакторная модель имеет приемлемые значения CFI, TLI и SRMR, но неприемлемое значение RMSEA.

Поэтому мы приняли решение создать короткую версию опросника, в которой останутся утверждения с наибольшими нагрузками на соответствующие факторы (см. табл. 1). Текст короткой версии методики представлен в Приложении 2, а факторные нагрузки изображены на рисунке 2. Результаты показали, что однофакторная модель длинной версии не соответствует данным. Трехфакторная модель имеет хорошие значения CFI, TLI и SRMR, но неприемлемое значение RMSEA (см. табл. 1).

Чтобы устранить эту проблему, мы проверили еще одну – четырехфакторную – модель, в которой провели различие между двумя аспектами процедурной справедливости – возможностью влияния и одинаковым обращением, которые в модели Тайлера соответствуют нормам возможности участия и нейтральности. Результаты исследования

показали, что, в целом, эта модель хорошо соответствует данным. Исключение составляет RMSEA, который имеет приемлемое значение (см. табл. 1).

Поэтому на втором этапе мы использовали короткую версию опросника и анализировали четырехфакторную структуру. Факторные нагрузки изображены на рисунке 3. Результаты проверки показали, что, в целом, эта модель имеет хорошие показатели – χ^2 = 267.121, df = 40, RMSEA [90% CI] = .057 [.050; .063], SRMR = .016, CFI = .991, TLI = .988.

Инвариантность опросника для измерения процедурной справедливости в политической сфере

На обоих этапах исследования мы проанализировали инвариантность модифицированного – короткого – варианта методики, который имеет четырехфакторную структуру. В обоих случаях мы сравнивали структуру опросника на разных половых (мужчины vs. женщины) и возрастных (18-30 лет vs. 31-40 лет vs. 41-75 лет – для первого этапа исследования и 18-29 лет vs. 30-44 лет vs. 45-69 лет – для второго этапа) группах. Результаты продемонстрировали, что короткая версия опросника обладает конфигурационной, метрической и скалярной инвариантностью (см. табл. 2 для первого этапа и табл. 3 для второго этапа).

Конвергентная валидность опросника для измерения процедурной справедливости в политической сфере

Проверка конвергентной валидности осуществлялась на полной выборке. Корреляционный анализ показал, что отдельные аспекты и общий показатель процедурной справедливости позитивно связаны с общей оценкой справедливости политической системы, позитивными эмоциями по отношению к ней и доверием политическим институтам. В то же время они негативно связаны с политическим цинизмом, негативными эмоциями по отношению к политической системе и политическим популизмом (см. табл. 4 для первого этапа и табл. 5 для второго этапа).

Обсуждение

Оценка справедливости политического взаимодействия оказывает влияние на отношение к отдельным людям, политическим институтам и политической системе в целом. Чем более справедливо, с точки зрения людей, ведут себя представители власти, тем больше люди доверяют им, одобряют их действия и готовы выполнять принятые решения.

Психологические исследования, проведенные в разных странах мира, позволили выделить ряд норм, соблюдение которых люди считают справедливым. Эти нормы регламентируют процедуру принятия политических решений и обращение представителей власти с гражданами.

Наша методика позволяет измерить, как люди оценивают соблюдение этих принципов. Основой для этой методики стал опросник для измерения справедливости в организации, предложенный Дж.Колкиттом [Colquitt, 2001]. Мы сохранили три компонента процедурной справедливости, но переформулировали суждения таким образом, чтобы они подходили для оценки действий представителей власти. Исходный вариант нашего опросника состоял из пятнадцати утверждений, а модифицированный вариант – из одиннадцати пунктов, описывающих информационную, собственно процедурную и межличностную справедливость. Анализ структуры и конвергентной валидности методики позволил сделать несколько выводов.

Во-первых, психологи по-разному подходят к измерению процедурной справедливости: одни подсчитывают общий показатель, а другие – несколько отдельных показателей, соответствующих разным компонентам справедливости. Первое представление о справедливости характерно для ученых, занимающихся правовой и политической сферой, а второе – для исследователей, занимающихся организациями. Наше исследование показывает, что при изучении процедурной справедливости в политическом контексте имеет смысл проводить различие между разными компонентами. В частности, наши результаты продемонстрировали, что однокомпонентная модель, в которой все нормы объединяются в общий показатель справедливости, хуже соответствует полученным данным, чем многокомпонентные модели.

Во-вторых, все исследователи, которые занимаются воспринимаемой справедливостью, исходят из того, что собственно процедурный компонент объединяет нормы, регламентирующие возможность граждан повлиять на происходящее (контроль за процессом, контроль за результатом, возможность коррекции) и одинаковое обращение с разными гражданами (единообразие, нейтрализация предубеждений, последовательность). Однако наше исследование показало, что процедурный компонент распадается на два субкомпонента: возможность повлиять на происходящее и одинаковое обращение.

Стоит отметить, что впервые мы обнаружили такое разделение, когда адаптировали методику Дж.Колкитта для российской выборки [Гулевич, Спиридонов, Безменова, 2009].

В ходе анализа выяснилось, что возможность повлиять на решение руководителя и соблюдение руководителем одинаковых правил при общении с разными людьми независимо друг от друга предсказывают воспринимаемую справедливость организационного взаимодействия. Примечательно, что в научной литературе, посвященной политическим процессам, эти нормы также связаны с двумя разными идеями: возможность контроля соответствует политической самоэффективности, а одинаковое обращение – равенству прав.

В-третьих, исследования, проведенные в организациях, показали, что разные компоненты процедурной справедливости по-разному связаны с разными показателями организационной жизни [Colquitt et al., 2001; Colquitt et al., 2013]. Однако наше исследование не продемонстрировало таких различий: четыре компонента справедливости были одинаково связаны со всеми выделенными показателями: от общей оценки справедливости политической системы до цинизма по отношению к политикам и политического популизма. Поэтому в дальнейшем имеет смысл проанализировать связь разных компонентов процедурной справедливости с другими, прежде всего, поведенческим переменными, отражающими отношение к политической системе.

В целом, результаты исследования показывают, что созданную методику можно использовать для измерения процедурной справедливости в политической сфере. Потенциально с помощью нее можно оценивать решения и действия представителей власти вообще или конкретные решения или действия (например, решения по благоустройству города). В первом случае можно использовать оригинальную инструкцию, а во втором – модифицировать ее, указывая в ней конкретное решение или действие. В зависимости от цели работы можно подсчитывать либо четыре частных индекса (процедурную справедливость как возможность влияния, процедурную справедливость как одинаковое обращение, межличностную справедливость, информационную справедливость), либо общий показатель процедурной справедливости.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Длинная версия методики для измерения процедурной справедливости в политическом контексте

Перед Вами несколько утверждений, касающихся представителей власти. Пожалуйста, отметьте, насколько Вы согласны или не согласны с перечисленными ниже утверждениями, используя шкалу, где 1 – «совершенно не согласен», 7 – «совершенно согласен».

Представители российской власти…

1. Дают гражданам возможность высказать свое мнение о том, что происходит в стране (контроль за процессом).
2. Дают гражданам возможность повлиять на то, что происходят в стране (контроль за результатом).
3. Дают гражданам возможность оспорить принятые решения (возможность коррекции).
4. Обеспечивают всем гражданам равные права (единообразие).
5. Относятся ко всем гражданам одинаково, без предубеждения (нейтрализация предубеждений).
6. Перед принятием решений собирают полную информацию о предпочтениях граждан (полнота и точность информации).
7. Используют одни и те же принципы принятия решений в разных ситуациях (последовательность).
8. Проявляют уважение к гражданам.
9. Позволяют гражданам сохранить чувство собственного достоинства.
10. Ведут себя с гражданами вежливо.
11. Воздерживаются от грубых и обидных замечаний в адрес граждан.
12. Подробно рассказывают гражданам о своей деятельности.
13. Рассказывают гражданам о своей деятельности доступно и понятно.
14. Честно и без утайки рассказывают гражданам о своей деятельности.
15. Сообщают гражданам о своей деятельности своевременно.

Процедурная справедливость: утверждения 1–7

Межличностная справедливость: утверждения 8–11

Информационная справедливость: утверждения 12–15

Приложение 2

Короткая версия методики для измерения процедурной справедливости в политическом контексте

Перед Вами несколько утверждений, касающихся представителей власти. Пожалуйста, отметьте, насколько Вы согласны или не согласны с перечисленными ниже утверждениями, используя шкалу, где 1 – «совершенно не согласен», 7 – «совершенно согласен».

Представители российской власти…

1. Дают гражданам возможность высказать свое мнение о том, что происходит в стране.
2. Дают гражданам возможность повлиять на то, что происходят в стране.
3. Дают гражданам возможность оспорить принятые решения.
4. Обеспечивают всем гражданам равные права.
5. Относятся ко всем гражданам одинаково, без предубеждения.
6. Проявляют уважение к гражданам.
7. Позволяют гражданам сохранить чувство собственного достоинства.
8. Ведут себя с гражданами вежливо.
9. Подробно рассказывают гражданам о своей деятельности.
10. Рассказывают гражданам о своей деятельности доступно и понятно.
11. Сообщают гражданам о своей деятельности своевременно.

Процедурная справедливость – возможность влияния: утверждения 1–3

Процедурная справедливость – одинаковое обращение: утверждения 4-5

Межличностная справедливость: утверждения 6–8

Информационная справедливость: утверждения 9–11

Приложение 3

Таблица 1

Результаты конфирматорного факторного анализа методики для измерения процедурной справедливости в политическом контексте (Исследование 1)

Модель	χ^2	df	RMSEA [90% CI]	SRMR	CFI	TLI	χ^2	df	RMSEA [90% CI]	SRMR	CFI	TLI
Длинная версия методики												
Подвыборка	*Первая подвыборка*						*Вторая подвыборка*					
Однофакторная модель	2675.903*	90	.172 [.167; .178]	.056	.829	.800	2643.241*	90	.171 [.166; .177]	.056	.827	.798
Модель «3-в-1»	1023.238*	87	.106 [.100; .111]	.033	.938	.925	1066.850*	87	.108 [.102; .114]	.035	.934	.920
Краткая версия методики												
Подвыборка	*Первая подвыборка*						*Вторая подвыборка*					
Однофакторная модель	1735.368*	44	.199 [.192; .208]	.060	.846	.808	1767.280*	44	.201 [.193; .210]	.060	.843	.803
Модель «3-в-1»	358.239*	41	.089 [.081; .098]	.021	.971	.961	431.598*	41	.099 [.091; .108]	.026	.964	.952
Модель «4-в-1»	142.984*	40	.052 [.043; .061]	.019	.991	.987	187.697*	40	.062 [.053; .071]	.024	.987	.981

Примечания. χ^2 = хи-квадрат; RMSEA = среднеквадратическая ошибка аппроксимации; CI = доверительный интервал; SRMR = стандартизированный корень среднеквадратического остатка; CFI = индекс сравнительного соответствия; TLI = индекс Такера-Льюиса; * $p < .01$

Приложение 4

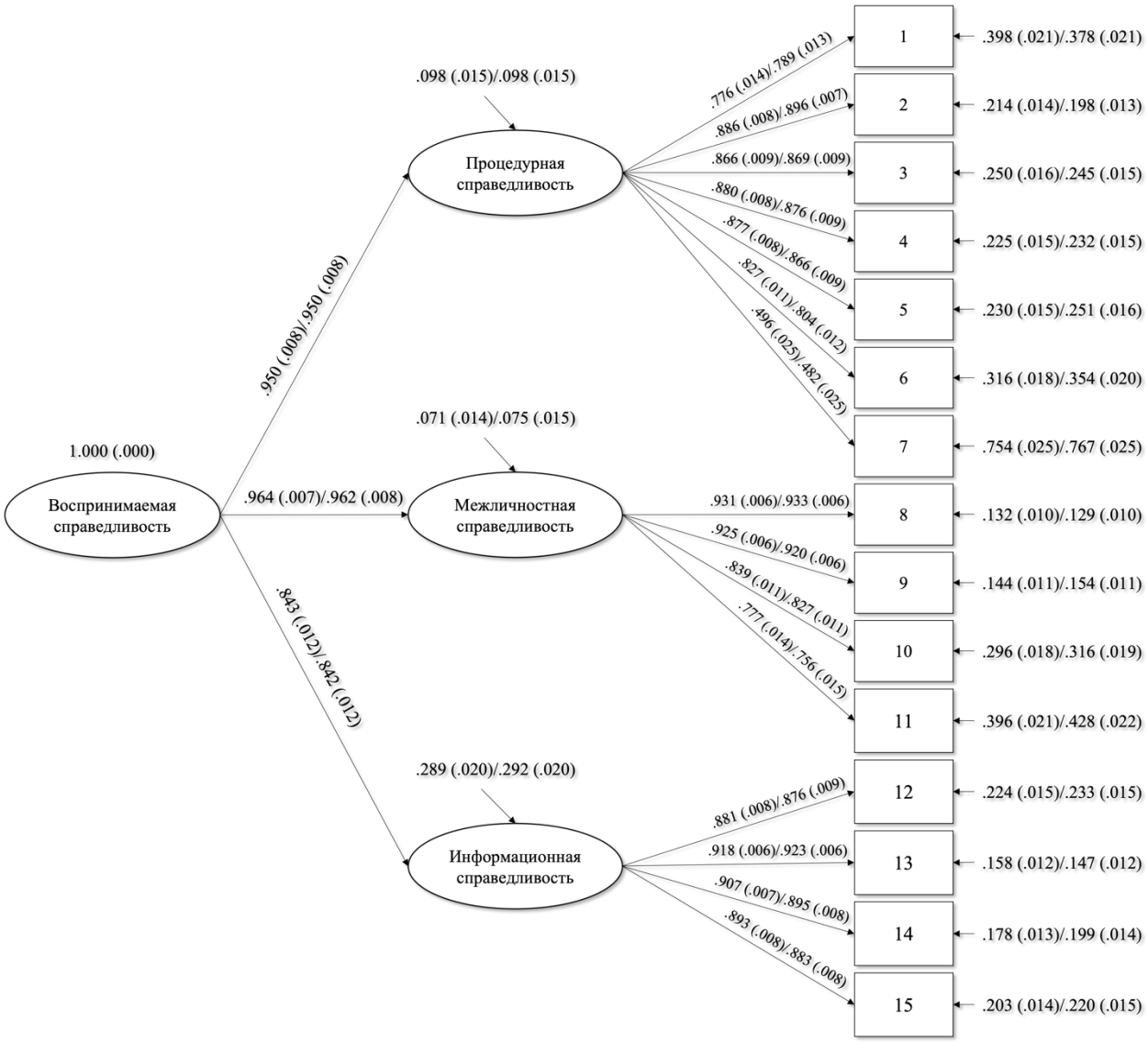

Рис. 1. Структура «3-в-1» длинной версии опросника для первой и второй подвыборок (Исследование 1).

Примечания. Номер относится к номеру утверждения в длинной версии, представленной в Приложении 1. Факторные нагрузки для первой и второй подвыборок приведены через слэш «/». Приведены стандартизованные факторные нагрузки. Все факторные нагрузки значимы на уровне $p < .01$.

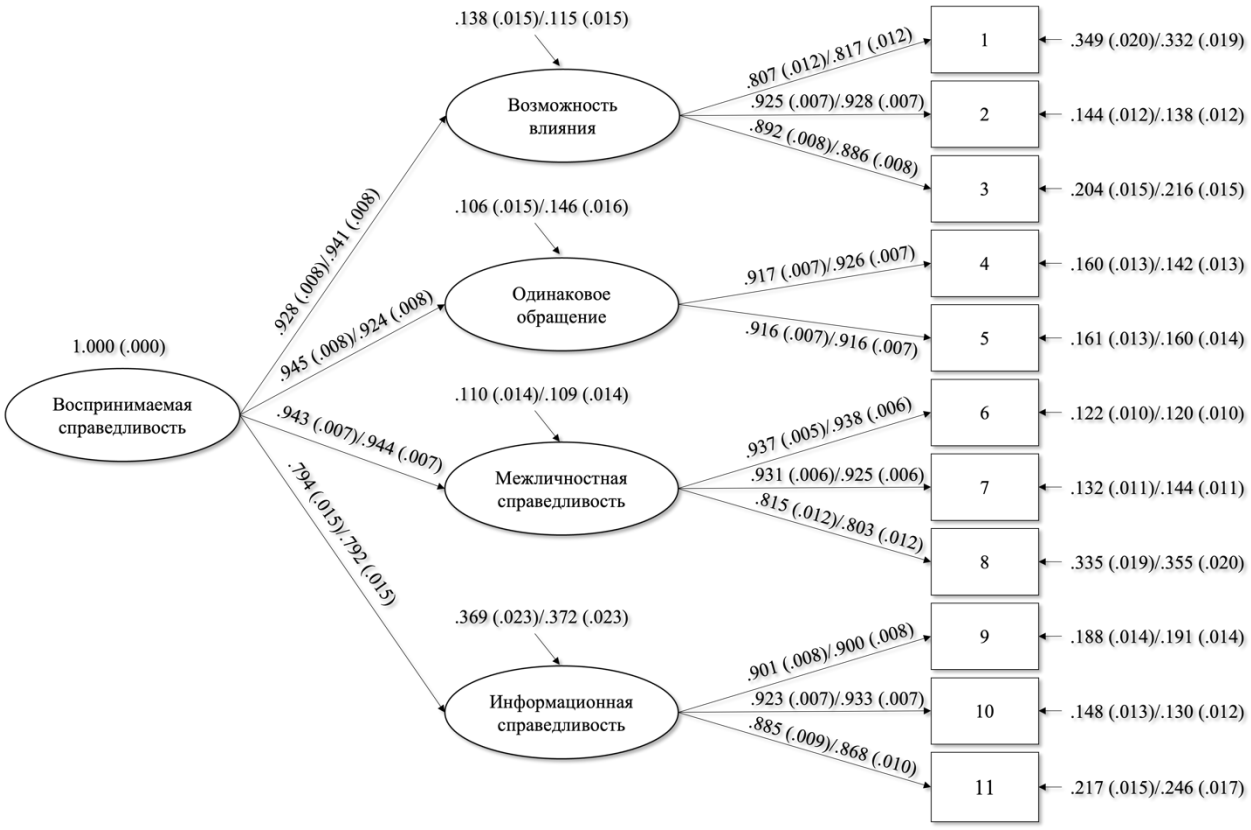

Рис. 2. Структура «4-в-1» краткой версии опросника для первой и второй подвыборок (Исследование 1).

Примечания. Номер относится к номеру утверждения в краткой версии, представленной в Приложении 2. Факторные нагрузки для первой и второй подвыборок приведены через слэш «/». Приведены стандартизованные факторные нагрузки. Все факторные нагрузки значимы на уровне $p < .01$.

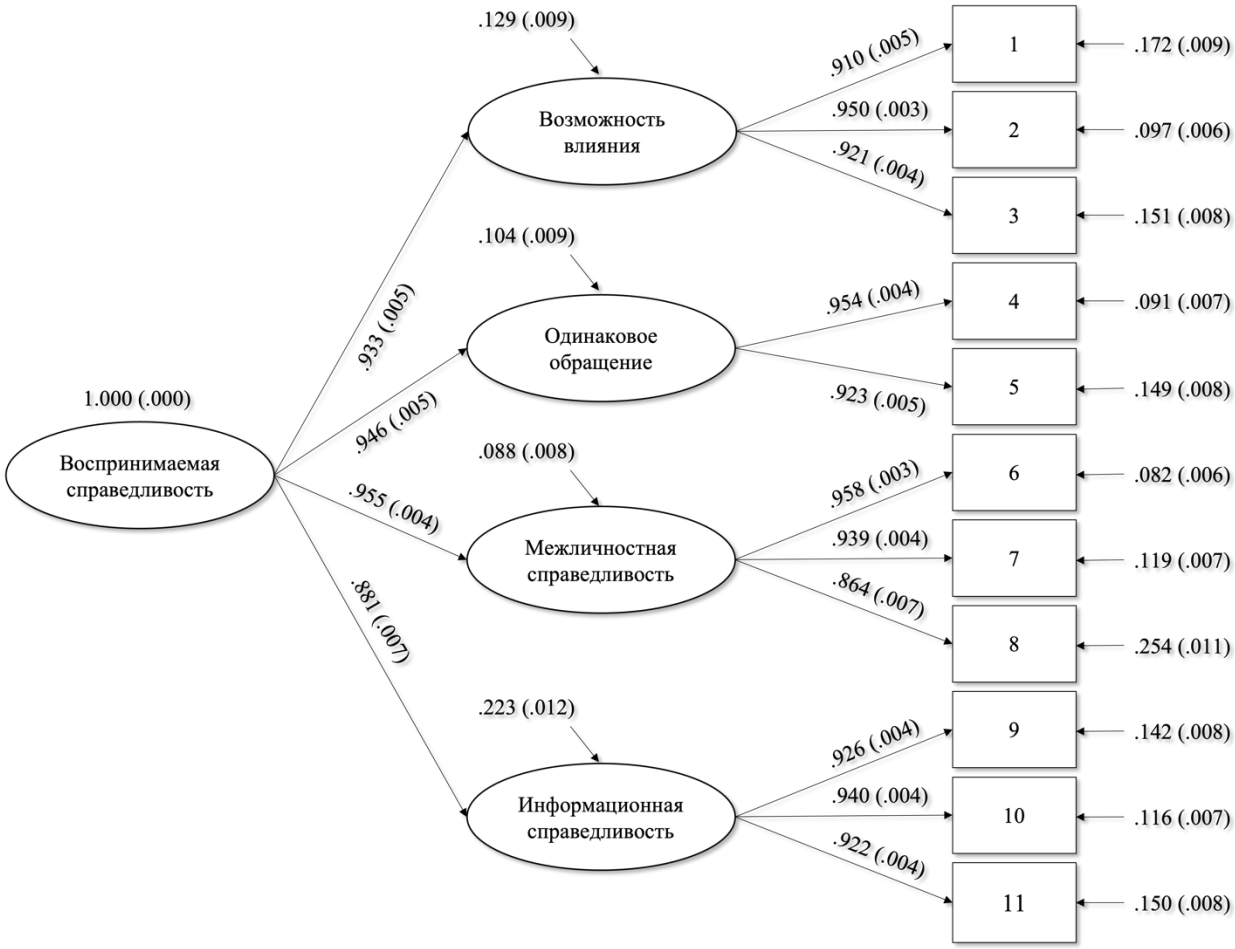

Рис. 3. Структура «4-в-1» краткой версии опросника (Исследование 2).

Примечания. Номер относится к номеру утверждения в краткой версии, представленной в Приложении 2. Приведены стандартизованные факторные нагрузки. Все факторные нагрузки значимы на уровне $p < .01$.

Приложение 5

Таблица 2

Результаты анализа инвариантности короткой версии методики на двух подвыборках (Исследование 1, N = 1931)

Группы	Инвариантность	χ^2	df	RMSEA [90% CI]	SRMR	CFI	ΔRMSEA	ΔCFI
Пол (мужчины/ женщины)	Конфигурационная	140.163*/154.517*	80/80	.039 [.028; .050]/.044 [.033; .054]	.023/.027	.990/.987	–	–
	Метрическая факторов первого порядка	175.705*/200.870*	90/90	.044 [.035; .054]/.051 [.041; .060]	.036/.041	.986/.981	.005/.007	-.004/-.006
	Метрическая факторов первого и второго порядка	180.495*/207.024*	93/93	.044 [.034; .054]/.050 [.041; .060]	.037/.044	.986/.980	.000/-.001	.000/-.001
	Скалярная факторов первого порядка	194.977*/222.882*	100/100	.044 [.035; .054] /.050 [.042; .059]	.038/.045	.984/.978	.000/.000	-.002/-.002
	Скалярная факторов первого и второго порядка	198.865*/226.959*	103/103	.044 [.035; .053]/.050 [.041; .059]	.039/.046	.984/.978	.000/.000	.000/000
	Конфигурационная	180.655*/200.303*	120/120	.040 [.027; .051]/.046 [.034; .057]	.024/.029	.990/.987	–	–

Возраст (18-30 (*n*=633), 31-40 (*n*=679), 41-75 (*n*=619))	Метрическая факторов первого порядка	223.775*/255.713*	137/137	.044 [.034; .055]/.052 [.042; .062]	.039/.044	.986/.980	.004/.006	-.004/-.007
	Метрическая факторов первого и второго порядка	234.651*/266.389*	143/143	.045 [.034; .055]/.052 [.042; .061]	.044/.049	.985/.980	.001/.000	-.001/.000
	Скалярная факторов первого порядка	262.999*/286.313*	157/157	.046 [.036; .055]/.051 [.041; .060]	.047/.049	.983/.979	.001/-.001	-.002/-.001
	Скалярная факторов первого и второго порядка	291.316*/304.298*	163/163	.049 [.040; .059]/.052 [.043; .061]	.047/.049	.979/.977	.003/.001	-.004/-.002

Примечания. Показатели для первой и второй подвыборок приведены через символ слэш «/». χ^2 = хи-квадрат; RMSEA = среднеквадратическая ошибка аппроксимации; CI = доверительный интервал; SRMR = стандартизированный корень среднеквадратического остатка; CFI = индекс сравнительного соответствия; ΔRMSEA = изменение RMSEA (порог – .015); ΔCFI = изменение CFI (порог – .01); * $p < .05$.

Таблица 3

Результаты анализа инвариантности короткой версии методики (Исследование 2, N = 1766)

Группы	Инвариантность	χ^2	df	RMSEA [90% CI]	SRMR	CFI	ΔRMSEA	ΔCFI
Пол (мужчины/ женщины)	Конфигурационная	186.386*	80	.039 [.032; .046]	.016	.991	–	–
	Метрическая факторов первого порядка	240.545*	90	.044 [.037; .050]	.030	.987	.005	-.004
	Метрическая факторов первого и второго порядка	245.238*	93	.043 [.037; .050]	.030	.987	-.001	.000
	Скалярная факторов первого порядка	258.794*	100	.042 [.036; .049]	.030	.987	-.001	.000
	Скалярная факторов первого и второго порядка	278.698*	103	.044 [.038; .050]	.031	.985	.002	-.002
Возраст (18-19 (*n*=566), 30-44 (*n*=615), 45-69 (*n*=585))	Конфигурационная	284.007*	120	.048 [.041; .055]	.019	.987	–	–
	Метрическая факторов первого порядка	359.323*	137	.053 [.046; .059]	.034	.982	.005	-.005
	Метрическая факторов первого и второго порядка	367.921*	143	.052 [.045; .058]	.035	.982	-.001	.000
	Скалярная факторов первого порядка	405.339*	157	.052 [.046; .058]	.035	.980	.000	-.002

	Скалярная факторов первого и второго порядка	444.917*	163	.054 [.048; .060]	.038	.978	.002	-.002

Примечания. χ^2 = хи-квадрат; RMSEA = среднеквадратическая ошибка аппроксимации; CI = доверительный интервал; SRMR = стандартизированный корень среднеквадратического остатка; CFI = индекс сравнительного соответствия; ΔRMSEA = изменение RMSEA (порог – .015); ΔCFI = изменение CFI (порог – .01); * $p < .05$.

Приложение 6

Таблица 4

Описательная статистика и коэффициенты корреляции Спирмена на полной выборке (*n* = 1931) (Исследование 1)

	Переменные	α	M	SD	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	ППС	.958	2.97	1.31									
2	ВВ	.904	2.90	1.43	.91***								
3	ОО	.913	2.73	1.51	.89***	.80***							
4	МС	.922	3.11	1.47	.93***	.79***	.80**						
5	ИС	.930	3.07	1.41	.85***	.66***	.66***	.73***					
6	СПС	–	3.10	1.47	.77***	.73***	.70***	.74***	.59***				
7	ПЭ	.862	1.86	.91	.64***	.60***	.59***	.60***	.51***	.62***			
8	ОЭ	.906	3.15	1.15	-.66***	-.62***	-.60***	-.64***	-.52***	-.71***	-.46***		
9	ДИ	.940	3.15	1.60	.81***	.79***	.73***	.76***	.63***	.80***	.64***	-.69***	
10	ЦП	.929	5.43	1.14	-.70***	-.61***	-.63***	-.66***	-.59***	-.63***	-.52***	.62***	-.62***

Примечания. α используется для обозначения коэффициента альфа Кронбаха, M – среднего значения, SD – стандартного отклонения. ППС – суммарный показатель процедурной справедливости в политической сфере (по авторскому опроснику), ВВ – процедурная справедливость (возможность влияния), ОО – процедурная справедливость (одинаковое обращение), МС – межличностная справедливость, ИС – информационная справедливость, СПС – оценка справедливости политической системы, ПЭ – положительные эмоции по отношению к политической системе, ОЭ – отрицательные эмоции по отношению к политической системе, ДИ – доверие институтам, ЦП – цинизм по отношению к политикам, * $p < .05$; ** $p < .01$; *** $p < .001$

Таблица 5

Описательная статистика и коэффициенты корреляции Спирмена на полной выборке (*n* = 1766) (Исследование 2)

	Переменные	α	M	SD	1	2	3	4	5	6	7	8
1	ППС	.973	3.47	1.48								
2	ВВ	.947	3.42	1.60	.93***							
3	ОО	.936	3.24	1.64	.92***	.84***						
4	МС	.943	3.72	1.60	.95***	.84***	.84**					
5	ИС	.950	3.43	1.57	.91***	.78***	.78***	.82***				
6	ПЭ	.917	3.45	1.63	.71***	.68***	.65***	.69***	.63***			
7	ОЭ	.932	3.38	1.80	-.73***	-.70***	-.65***	-.72***	-.62***	-.61***		
8	ДИ	.944	3.89	1.83	.83***	.80***	.74***	.81***	.73***	.76***	-.78***	
9	ПП	.841	4.72	1.15	-.60***	-.57***	-.55***	-.59***	-.52***	-.50***	.65***	-.60***

Примечания. α используется для обозначения коэффициента альфа Кронбаха, M – среднего значения, SD – стандартного отклонения. ППС – суммарный показатель процедурной справедливости в политической сфере (по авторскому опроснику), ВВ – процедурная справедливость (возможность влияния), ОО – процедурная справедливость (одинаковое обращение), МС – межличностная справедливость, ИС – информационная справедливость, ПЭ – положительные эмоции по отношению к политической системе, ОЭ – отрицательные эмоции по отношению к политической системе, ДИ – доверие институтам, ПП – политический популизм, * $p < .05$; ** $p < .01$; *** $p < .001$

Литература

Гулевич О.А. Справедливость в организации: условия и последствия. Организационная психология, 2012, 2 (1), 58-70.

Гулевич О.А., Гусева В.В. Как измерить отношение к политикам? Русскоязычные опросники для измерения политического доверия и политического цинизма. Психологические исследования, 2022, 15 (83), 7. DOI: 10.54359/ps.v15i83.1140

Гулевич О.А., Спиридонов В.Ф., Безменова И.К. Как измерить справедливость в организации: методика Дж. Колкитта. Психологическая диагностика, 2009, 4, 67-79.

Anderson C.J., Tverdova Y.V. Corruption, Political Allegiances, and Attitudes toward Government in Contemporary Democracies. American Journal of Political Science, 2003, 47 (1), 91-109. DOI: 10.2307/3186095

Azmi F., Brun C., Lund R. Between exclusion and political engagement: Conceptualizing young people's everyday politics in the post-war setting of Sri Lanka. Politics, citizenship and rights, 2016, 345-362. DOI: 10.1007/978-981-4585-57-6_31

Birch S. Electoral institutions and popular confidence in electoral processes: A cross-national analysis. Electoral Studies, 2008, 27 (2), 305-320. DOI: 10.1016/j.electstud.2008.01.005

Blader S.L., Tyler T.R. A four-component model of procedural justice: Defining the meaning of a "fair" process. Personality and social psychology bulletin, 2003, 29 (6), 747-758. DOI: 10.1177/0146167203029006007

Bolger P.C., Walters G.D. The relationship between police procedural justice, police legitimacy, and people's willingness to cooperate with law enforcement: A meta-analysis. Journal of Criminal Justice, 2019, 60, 93–99. DOI: 10.1016/j.jcrimjus.2019.01.001

Bolger M., Lytle D., Bolger P. What matters in citizen satisfaction with police: A meta-analysis. Journal of Criminal Justice, 2021, 72. DOI: 10.1016/j.jcrimjus.2020.101760

Carman C. The process is the reality: Perceptions of procedural fairness and participatory democracy. Political Studies, 2010, 58 (4), 731-751. DOI: 10.1111/j.1467-9248.2010.00840.x

Chen F.F. Sensitivity of goodness of fit indexes to lack of measurement invariance. Structural equation modeling: a multidisciplinary journal, 2007, 14 (3), 464-504. DOI: 10.1080/10705510701301834

Cohen-Charash Y., Spector P. The role of justice in organizations: A meta-analysis. Organizational Behavior and Human Decision Processes, 2001, 86, 278-321. DOI: 10.1006/obhd.2001.2958

Colquitt J.A., Conlon D.E., Wesson M.J., Porter C.O.L.H., Ng K.Y. Justice at the millennium: A meta-analytic review of 25 years of organizational justice research. Journal of Applied Psychology, 2001, 86, 425–445. DOI: 10.1037/0021-9010.86.3.425

Colquitt J.A., Scott B.A., Rodell J.B., Long D.M., Zapata C.P., Conlon D.E., Wesson M.J. Justice at the millennium, a decade later: A meta-analytic test of social exchange and affect-based perspectives. Journal of Applied Psychology, 2013, 98, 199–236. DOI: 10.1037/a0031757

Dahlberg S., Holmberg S. Democracy and bureaucracy: How their quality matters for popular satisfaction. West European Politics, 2014, 37 (3), 515-537. DOI: 10.1080/01402382.2013.830468

Farnsworth, W. Realism, Pragmatism, and John Paul Stevens. Rehnquist Justice: Understanding the Court Dynamic, 2003, 157-84.

Gilley B. The determinants of state legitimacy: Results for 72 countries. International political science review, 2006, 27 (1), 47-71. DOI: 10.1177/0192512106058634

Grimes M. Organizing consent: The role of procedural fairness in political trust and compliance. European Journal of Political Research, 2006, 45 (2), 285-315. DOI: 10.1111/j.1475-6765.2006.00299.x

Grimes M. Procedural fairness and political trust. Handbook on political trust. Ed. by S. Zmerli and T. W.G. Van der Meer. Edward Elgar Publishing, 2017, 256-269.

Kahn J.H. Factor analysis in counseling psychology research, training, and practice: Principles, advances, and applications. The counseling psychologist, 2006, 34 (5), 684-718. DOI: 10.1177/2150137813494766

Kline R.B. Principles and Practice of Structural Equation Modeling, 4th Edit. New York, NY. 2016.

Kershaw T.S., Alexander S. Procedural fairness, blame attributions, and presidential leadership. Social Justice Research, 2003, 16 (1), 79-93.

King T.J., Murphy K. Procedural Justice as a component of the Not In My Backyard (NIMBY) syndrome: Understanding opposition to the building of a desalination plant in Victoria, Australia. Deakin University, 2012.

Leventhal G.S. What should be done with equity theory? Social exchange. Springer, Boston, MA, 1980, 27-55.

Moorman R.H. Relationship between organizational justice and organizational citizenship behaviors: Do fairness perceptions influence employee citizenship? Journal of applied psychology, 1991, 76 (6), 845. DOI: 10.1037//0021-9010.76.6.845

Rasinski K.A., Tyler T.R. Fairness and vote choice in the 1984 presidential election. American Politics Quarterly, 1988, 16 (1), 5-24. DOI: 10.1177/1532673X8801600101

Robbins J.M., Ford M.T., Tetrick L.E. Perceived unfairness and employee health: A meta-analytic integration. Journal of Applied Psychology, 2012, 97, 235–272. DOI: 10.1037/a0025408

Thibaut J., Walker L. Procedural justice: A psychological perspective, 1975.

Tyler T.R. Justice theory. Handbook of theories of social psychology. Ed. P. A. M. Van Lange, A. W. Kruglanski, E. T. Higgins. Thousand Oaks, CA: Sage, 2012, 2, 344-361.

Tyler T.R. The psychology of legitimacy: A relational perspective on voluntary deference to authorities. Personality and social psychology review, 1997, 1 (4), 323-345. DOI: 10.1207/s15327957pspr0104_4

Tyler T.R., Caine A. The influence of outcomes and procedures on satisfaction with formal leaders. Journal of Personality and Social Psychology, 1981, 41 (4), 642. DOI: 10.1037/0022-3514.41.4.642

Tyler T.R., Rasinski K.A., McGraw K.M. The influence of perceived injustice on the endorsement of political leaders. Journal of Applied Social Psychology, 1985, 15 (8), 700-725. DOI: 10.1111/j.1559-1816.1985.tb02269.x

Tyler T.R., Lind E.A. A relational model of authority in groups. Advances in experimental social psychology. Academic Press, 1992, 25, 115-191. DOI: 10.1016/S0065-2601(08)60283-X

Tyler T.R., Van der Toorn J. Social justice. The Oxford handbook of political psychology. Ed. by L. Huddy, D.O. Sears, J.S. Levy. Oxford University Press, 2013.

Vainio A. Why are forest owners satisfied with forest policy decisions? Legitimacy, procedural justice, and perceived uncertainty. Social Justice Research, 2011, 24 (3), 239-254. DOI: 10.1007/978-1-4939-3216-0_15

Van der Toorn J., Tyler T.R., Jost J.T. More than fair: Outcome dependence, system justification, and the perceived legitimacy of authority figures. Journal of experimental social psychology, 2011, 47 (1), 127-138. DOI: 10.1016/J.JESP.2010.09.003

Van Zomeren M., Postmes T., Spears R. Toward an integrative social identity model of collective action: A quantitative research synthesis of three socio-psychological perspectives. Psychological Bulletin, 2008, 134, 504–535. DOI: 10.1037/0033-2909.134.4.504.

Whitman D.S., Caleo S., Carpenter N.C., Horner M.T., Bernerth J.B. Fairness at the collective level: A meta-analytic examination of the consequences and boundary conditions of organizational justice climate. Journal of Applied Psychology, 2012, 97, 776–791. DOI: 10.1037/a0028021

Финансирование

Исследование проведено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект 22-28-01094 «Воспринимаемая процессуальная справедливость как фактор политических оценок и поведения», 2022-2023 гг.

Примечания

Сведения об авторах

Гулевич Ольга Александровна. Доктор психологических наук, профессор департамента психологии, заведующая НУЛ политико-психологических исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Мясницкая, д. 20, 101000 Москва, Россия;
e-mail: ogulevich@hse.ru

Гусева Виктория Владиславовна. Стажер-исследователь НУЛ политико-психологических исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Мясницкая, д. 20, 101000 Москва, Россия;
e-mail: vvguseva@hse.ru

Ссылка для цитирования

Гулевич О. А, Гусева В.В. Как измерить отношение к политикам? Русскоязычные опросники для измерения политического доверия и политического цинизма.

Адрес статьи